

А.В. Манин-Уралец

**Подвиг заводов
Том 38.
Измайловская
мануфактура
1851-1951**

А.В. Манин-Уралец

**Подвиг заводов Том
38. Измайловская
мануфактура 1851-1951**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Подвиг заводов Том 38. Измайловская мануфактура 1851-1951 /
А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

В книге раскрыта история фабрики ОАО «Измайловская мануфактура», написанная в 2001 году в честь ее 150-летия. В материале указаны страницы ее истории в царский период. Далее - почти вся эпоха ее развития связана с мероприятиями по укреплению материальной базы, с подготовкой кадров, с борьбой за достойный быт и культуру производства. Это позволило фабрике встать в ряд наиболее успешно развивающихся фабрик в текстильной отрасли России, всего СССР. Об этом в прошлой трудовой эпохе свидетельствовало немало почетных наград за качество продукции и перевыполнение пятилетних планов. В перестроечный и либеральный рыночный период, к началу 2000-х годов, коллектив поставлял на внутренний и внешний рынок около 1 миллиона 200 тысяч квадратных метров суровых хлопчатобумажных тканей в месяц, используя пряжу собственного производства. Главной ценностью в производстве в указанный период остаются люди и сохраненные трудовые традиции.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Подвиг заводов Том 38.

Измайловская мануфактура 1851-1951

ВВЕДЕНИЕ

Современная публикация истории московской фабрики «Измайловская Мануфактура» полностью основана на изданной в 2001 году по случаю ее 150-летнего юбилея книге автора А. В. Манина-Уральца «Связующая нить». При работе над книгой использовались архивные исторические и научно-технические документы, материалы отдела кадров и фабкома ОАО «Измайловская мануфактура», а также интервью с различными специалистами предприятия.

В работе над книгой в те годы были использованы интервью с ветеранами фабрики журналистов Е. В. Митасова и А. В. Соловьевой.

В редакционный общественный совет от фабрики входили: С. А. Марастьев, Н. Е. Ермакова, В. В. Селиванова, В. Г. Федоров (председатель).

Во вступительном слове редсовет ветеранов отмечал:

«Почти вся история предприятия ОАО «Измайловская мануфактура» связана с мероприятиями по укреплению его материальной базы, с подготовкой и переподготовкой кадров, с борьбой за так называемую культуру производства. Это позволило фабрике встать в ряд наиболее успешно развивающихся фабрик в текстильной отрасли России, всего СССР. Об этом в прошлой трудовой эпохе свидетельствовало немало почетных наград за качество продукции и перевыполнение пятилетних планов ее трудовым коллективом.

А что день сегодняшний?.. Трудно однозначно ответить, чего в нем больше — потерь или приобретений, поражений или побед. Но фабрика по-прежнему занимает достойное место в ряду отечественных товаропроизводителей. Коллектив поставляет на внутренний и внешний рынок, к 2001 году, около 1 миллиона 200 тысяч квадратных метров суровых хлопчатобумажных тканей в месяц, используя пряжу собственного производства.

Главной ценностью в производстве, как и всегда, остаются люди и сохранение трудовых традиций. А еще — неизбывная память ветеранов, которая крепкими связующими нитями проводит параллели между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, давая возможность указать на достойный пример того, как умели и умеют работать на фабрике, передать эстафету труда идущим на смену молодым поколениям».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСЕХ РАЗДЕЛОВ

ИСТОРИИ ФАБРИКИ:

«Измайловской мануфактуре» — 150

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗМАЙЛОВО ТЕКСТИЛЬНОЕ

Глава 1. От бумагопрядения — к ткачеству

Глава 2. Возрождение после разрухи

Глава 3. Становление коллектива

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДВИГ ТРУДОВОЙ

Глава 1. За увеличение скоростей

Глава 2. Труд во имя Победы

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОГРАММЫ

Глава 1. Не сбавляя темпов

Глава 2. Использование вскрытых резервов

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЬ В РЕКОНСТРУКЦИИ

Глава 1. Уверенная поступь новаторов

Глава 2. Планы и достижения

Глава 3. К предприятию «Высокой культуры»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

НОВОЕ В ХОЗЯЙСТВОВАНИИ

Глава 1. Эффект материальных стимулов

Глава 2. Роль личности в производстве

Глава 3. Успех по всем направлениям

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ДО И ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Глава 1. Честь — по труду

Глава 2. Преодоление невзгод

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Глава 1. В условиях акционерного общества

Глава 2. Сохраненный потенциал

«ИЗМАЙЛОВСКОЙ МАНУФАКТУРЕ» — 150

(Вступительное слово генерального директора ОАО «Измайловская мануфактура» В. Г. Федорова).

Предприятию ОАО «Измайловская мануфактура» исполнилось 150 лет.

Не многие предприятия России имеют столь почтенный возраст, хотя это объясняется просто: текстильная отрасль, как отрасль промышленного производства, возникла в мире одной из первых.

Еще в XIX, теперь уже позапрошлом, веке, на нашей фабрике было возведено несколько капитальных кирпичных корпусов: два — для бумагопрядения и один — для ткачества. С постройкой последнего, фабрика, носившая название «Бумагопрядильная фабрика», а затем «Измайловская бумагопрядильная мануфактура», стала «Измайловской хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрикой».

С тех пор прядильно-ткацкая фабрика специализировалась, как специализируется и сегодня, на выпуске хлопчатобумажной пряжи и суровых хлопчатобумажных тканей.

В двадцатых годах XX века, после вынужденного бездействия, связанного со всеобщей разрухой гражданской войны, фабрика обрела вторую жизнь, начав оснащаться новым оборудованием. Этот процесс был продолжительным: еще и в пятидесятые годы в ее цехах можно было видеть станки и машины английских фирм-изготовителей старой эпохи.

Но в этом смысле фабрика в Измайлове не была исключением. По всей стране имелись десятки подобных фабрик, функционирующих в старых стенах и даже в постройках времен крепостного права. Меры правительства по оснащению их новой техникой были попыткой довести производительность до установленной на вновь организованных, передовых текстильных предприятиях страны.

Это отложило свой неповторимый отпечаток на историю этих фабрик и на историю коллектива Измайловской прядильно-ткацкой фабрики тоже. Весь ее путь, на первый взгляд, — это освобождение от «старины», непрерывное увеличение производственных мощностей, этапы реконструкции.

В первой половине 50-х годов была начата генеральная реконструкция фабрики, продолжалась она десять лет, практически с полной заменой станков и машин, с проведением серьезных строительных работ для расширения производственных площадей. А через четырнадцать лет, в начале 80-х годов, были построены еще два корпуса: главный производственный корпус с тремя разрыхлительно-трепальными агрегатами, складом хлопка и административно-бытовой корпус.

В цехах уже работали десятки, сотни единиц прогрессивного оборудования, в том числе прядильные машины нового поколения БД-200, челночные и бесчелночные ткацкие станки АТ-100, АТПР-100-2, что дало возможность увеличить объемы производства продукции в несколько раз.

Проводились значительные мероприятия по внедрению и освоению новой техники и в последующие годы — с дальнейшей механизацией погрузочно-разгрузочных работ, с ликвидацией слишком тяжелых и трудоемких операций. Расширялись связи производства с наукой. Осуществлялись мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий, по работе с кадрами и их обучению, по воспитательной работе с молодежью. И, надо отметить, — очень успешно.

За этими достижениями и успехами — дела конкретных людей: новаторов производства, замечательных талантливых рабочих и руководителей цехов и отделов, главных инженеров и директоров предприятия.

За всю историю фабрики в ее стенах прошли трудовую школу, в течение десятилетий подряд, тысячи и тысячи людей. Многие отдали фабрике по двадцать, тридцать, сорок и более лет своего самого плодотворного труда.

Труд большинства из этих работников без всяких оговорок является подвигом. Тем более, что отдельные страницы биографии фабрики прямо указывают на то, что успехи отдельных специалистов достигали такой высоты, что о них узнавала вся страна. Впрочем, это было не редкостью и для всего коллектива в целом. По десять кварталов подряд Измайловская фабрика занимала классные места в республиканском соревновании коллективов производственных предприятий Министерства текстильной промышленности. Фабрика удостаивалась Красных Знамен, ее работники — Почетных грамот министерства и ЦК профсоюза отрасли, значков отличников соцсоревнования РСФСР и СССР, правительственных наград — орденов и медалей.

Обо всем этом, как и многом другом, чем есть гордиться коллективу, подробно рассказано в данной книге «Связующая нить».

На самом деле, за 150-летнюю историю фабрики на ней сменилось немало поколений текстильщиков, именовавшихся вначале как «мюльщики», «ватерщики», «банкаброшники» — по названиям машин, которые они обслуживали («Мюль», «Ватер», «Банкаброш»).

Если брать стаж работы одного человека в среднем 30 лет, то на фабрике дорабатывает пятое поколение специалистов, и на рабочие места уже заступило шестое.

В текстильной отрасли главную часть рабочих основных профессий всегда составляли женщины. И сегодня из 450 работников фабрики 300 человек — женщины. Поэтому на страницах книги «Связующая нить» упомянуты имена сотен работниц. Некоторые из них принесли предприятию настоящую славу. Потому, что они работали не хуже, а, порой, и лучше самых известных стахановцев, ударников и новаторов страны, получая награды и почет. И потому, что беззаветно служили фабрике всю свою жизнь; они обрели здесь крепкую трудовую семью.

Поистине, труд работников текстильной отрасли никогда не был легким, а точнее сказать — он всегда был очень даже тяжелым. Ведь иным ударницам минувших пятилеток приходилось за смену «пробежать» до сорока километров, почти марафонскую дистанцию.

Да и сегодня, с появлением новых машин, новых условий для работы, когда, казалось бы, навсегда должен исчезнуть изнуряющий труд, новое беспокойное время заставило текстильщика работать ничуть не менее интенсивно, чем прежде.

Порой, очень горек бывает этот труд, сквозь слезы. И как в насмешку продолжает быть фактом причисление текстильной промышленности — к промышленности легкой.

Но такая жизнь — это наша жизнь. Весь опыт работы на текстильном предприятии убеждает, что человек, привыкнув к ритму фабричного труда, искренне привязывается к производству. Не секрет, что иные, поискав более теплого места под солнцем, возвращаются назад на фабрику. Трудовая закалка им не позволяет работать впосилы, а тем более, сложа руки. А если кто и не возвратился, то за такого специалиста душа спокойна: он всюду нарасхват, ценен и уважаем, потому что привык работать с полной отдачей сил.

«Золотые руки» текстильщиков... Как мало песен, картин, кинофильмов, книг посвящается вам!

К сожалению, женский труд в нашей стране со стороны власть имеющих никогда не оценивался в полную меру.

Значение этого труда понимаешь только тогда, когда приходишь работать в «скромный» фабричный женский коллектив. Трудолюбивей, выдержанней коллективов не бывает ни в какой другой отрасли производства.

При самом жестком ритме работы в текстильной промышленности все способные к труду работники, рано или поздно, становятся очень хорошими профессионалами своего дела. Но лишь — способные. Очень даже непросто стать высококласным прядильщиком, ткачом... В ткацком цехе одна работница обслуживает около двух десятков станков, курс ее полного обучения составляет почти год, и при условии, если имеется предварительная подготовка.

Разумеется, что истинное мастерство молодые приобретают лишь перенимая опыт старших, главным образом, тех специалистов — инженеров, мастеров, рабочих, — кто, образно говоря, вырос и состарился на фабрике, внес в ее развитие очень весомый вклад и вошел в так называемый «Золотой фонд предприятия».

Свежи в памяти сегодняшнего поколения фабрики высокие достижения в труде десятков бывших товарищей по работе, патриархов производства, встававших за станки и машины еще во время Великой Отечественной войны. Из них вошли в «Золотой фонд предприятия» специалисты М. И. Баулина, А. А. Брагина, А. Т. Журавлева, К. Я. Мартынов, К. И. Мельников, В. Ф. Медведева, М. А. Маркелова, А. А. Перова, Ю. Г. Першина, Н. Н. Самин, В. И. Севастьянова, Е. С. Сычева, Т. А. Тананаева, А. А. Тарасова, А. А. Третьякова, З. Л. Федюкова, В. Г. Шестопалова, Н. Я. Якимов, а также непосредственные участники войны, фронтовики, А. М. Большаков, П. В. Иванов, А. Н. Козлов, Н. Н. Казарин, И. В. Лавыгин, В. С. Нестеров, И. М. Федюков, А. А. Юрин и другие.

Кого-то из них нет на этой земле, но живущие — они внимательно и с надеждой следят за работой фабрики, переживают из-за постигающих ее трудностей, радуются каждому ее новому успеху.

И сегодня в коллективе трудятся старейшие ветераны, стаж которых перешел за отметку тридцать и сорок лет. Они до сих пор самые трудолюбивые и, можно сказать, святые люди. Их пример так важен сегодня молодому поколению текстильщиков.

День сегодняшний... Трудно однозначно ответить, чего в нем больше — потеря или приобретений, поражений или побед. С 1993 года фабрика стала акционерным обществом. Акционерное общество «Измайловская мануфактура» продолжает перерабатывать хлопковое волокно в хлопчатобумажную пряжу и суровые ткани, по-прежнему занимая достойное место

в ряду отечественных товаропроизводителей в своей области производства. Оно поставляет на внутренний и внешний рынок в месяц около 1 миллиона 200 тысяч квадратных метров суровых хлопчатобумажных тканей, используя пряжу собственного производства.

Спрос на хлопчатобумажную продукцию растет. Коллектив ОАО «Измайловская мануфактура» производит для потребителя высококачественную, экологически чистую продукцию из натуральных волокон; как говорится, — здоровее не бывает. Эта продукция идет на изготовление красочных тканей, фланели и «байки», для постельного белья, для производства клеенок, палаток, для обложек книг и тех же паспортов, которые есть у каждого из нас.

Люди всегда будут одеваться, нуждаться в удобной, свежей постели; всегда останется потребность в тканях у технических отраслей; наконец, без тканей, марли, ваты не обойтись армии, медицине...

Следовательно, текстильной отрасли есть над чем и для кого работать. Ткани «Измайловской мануфактуры» идут для дальнейшей набивки и изготовления готовых товаров на московскую «Трехгорную мануфактуру», на Московскую ситценабивную фабрику и на другие, которым текстильщики Измайлово поставляют сорок процентов продукции, а остальную часть — на экспорт.

В последние несколько лет предприятие работает стабильно и практически непрерывно: три-четыре смены в сутки, семь дней в неделю.

И все же, успехи в дне сегодняшнем никак не сравнить с теми, что радовали и коллектив, и его потребителей в прошлом. Ведь прежде четверть государственного бюджета формировалась за счет вклада работников текстильной отрасли, в современной же России этот вклад в общую кассу страны не добирает и двух процентов. А печальней всего то, что некоторые текстильные предприятия претерпели финансовый крах, были распроданы, разбазарены и прекратили свое существование.

Что в таких условиях еще способно утешить сердце, так это то, что не изжить в русском народе талантливых трудолюбивых людей, богатых своей неисчезающей тягой к творчеству новаторов производства.

Коллектив ОАО «Измайловская мануфактура» продолжает работать над новым ассортиментом и новыми технологиями производства пряжи и ткани. У руководства цехами и отделами стоят только преданные фабрике специалисты, неутомимые в поиске новых путей ее развития, ради удовлетворения потребностей в своей продукции нуждающихся в ней потребителей, ради облегчения жизни своих работников.

Новое время привносит свои законы, темпы работы регулирует окружающая нас действительность. В ней много необычного, и надо много работать над собой, чтобы принимать нестандартные решения, чтобы оставаться в рынке сбыта высококачественной продукции достойным конкурентом другим товаропроизводителям.

На «Измайловской мануфактуре» в этом хорошо отдают себе отчет все ведущие специалисты, поскольку прошли основательную теоретическую подготовку в области экономических знаний.

Этому хорошо способствует сложившаяся на предприятии определенная система по работе с кадрами. На фабрике трудится около тридцати руководителей с высшим и средне-техническим специальным образованием. Из них почти треть — выпускники Московского промышленно-экономического колледжа; средний возраст составляет 42 года; все эти специалисты назначены руководителями производственных подразделений с рабочих мест после окончания техникума без отрыва от производства.

Будущее — за высокообразованными людьми. На них и сегодня лежит главная ответственность за все, что происходит в коллективе ОАО «Измайловская мануфактура». Осознание каждым своей высокой роли формирует в коллективе инженеров атмосферу предельной

деловитости, которой могли бы позавидовать и представители иных преуспевающих западных фирм.

Одно мешает нам осуществить многие планы, мечты — это постоянно меняющиеся «правила игры»; это нехватка оборотных средств, проблемы с получением необходимых для оборачиваемости этих средств надежных долгосрочных кредитов. Но это проблема из проблем не только для нас, но и для всей России в целом.

Как всегда, остается надеяться на свои руки, на свое умение, на упорство в достижении намеченных целей, опираясь на те замечательные традиции, которые складывались на «Измайловской мануфактуре» в течение многих десятков лет, на опыт ветеранов и на новаторство молодежи.

Данный документально-литературный труд, надеемся, также сослужит добрую службу для сохранения лучших традиций, хотя главное предназначение его — выразить чувство уважения к славной истории текстильщиков Измайлово. Ветераны фабрики всегда должны быть уверены, что их труд не будет забыт, что молодое поколение, пользуясь плодами их поистине самоотверженного труда, всегда скажет им: «Большое спасибо!»

А кроме того, в истории «Измайловской мануфактуры», как в капле воды, отражена история развития всей текстильной промышленности, и, значит, может представлять интерес для каждого, кто хочет глубже понять историю своей страны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗМАЙЛОВО ТЕКСТИЛЬНОЕ

ГЛАВА 1 ОТ БУМАГОПРЯДЕНИЯ – К ТКАЧЕСТВУ

Со времени своего рождения фабрика «Измайловская мануфактура» всегда являлась одной из наиболее известных, хотя порой и не вписывалась в ряд благополучных и процветающих предприятий текстильной отрасли России. История фабрики сложна и путь ее тернист. Ведь долгие годы, десятилетия и, можно сказать, целый век, главной целью ее коллектива было получить достойные своего вклада условия для работы и для создания современного достойного быта.

Этим во многом объясняется и тот непреложный факт, что фабрика всегда жила очень беспокойной, кипучей жизнью. Как бы трудно, порой, ни приходилось ее работникам, переходя от одной исторической эпохи к другой, фабрика заметно развивалась. Она пережила ряд ярких взлетов, связанных с техническим перевооружением и с реконструкциями, с постройкой дополнительных производственных зданий.

Первый цех суконной мастерской еще в 30-х годах XIX век был заложен на землях, позволявших, при вложении определенных капиталов, быстро расширить фабричное производство. Поначалу каждая новая постройка воздвигалась как временная, главным образом, деревянная и даже без фундамента. Но к середине века полукустарная мастерская все определеннее являла собой целостное предприятие суконной мануфактуры, сформировавшееся, как сообщают документы, «в живописном месте на юго-восточной стороне речушки, обегавшей село Измайлово полукругом и впадавшей в Виноградный пруд».

Поблизости от главного цеха фабрики, представлявшего собой возвышающееся над округой обширное деревянное здание, ту речушку пересекала плотина с небольшой запрудой. А по соседству сосредотачивались низкорослые жилые строения рабочих фабрики — недавних самостоятельных кустарей по ткачеству, набивших руку выработкой драдедамовых плат-

ков, разных недорогих суконных и шерстяных изделий. Измайловцы, надо сказать, успешно переняли это прибыльное дело у более опытных соседей, и за небольшой промежуток времени весьма в этом преуспели, а где-то своих конкурентов и потеснили.

К этому времени, отмечая быстрое развитие текстильного промысла в центральной России (в том числе вблизи самой Москвы по берегам Яузы и Хапиловки, на бывших полях и пустырях между Покровским и Преображенским, Семеновским и Черкизовым, где раскинулись всевозможные бумагопрядильные, полушерстяные, шелковые, отбельные, красильные и набивные заведения), царские чиновники отмечали, что «вблизи можно видеть село Измайлово с ткацкими заведениями огромной «Измайловской мануфактуры» с большим числом рабочих».

На самом деле, в ту пору в отдельной только текстильной промышленности насчитывалось примерно четыре пятых всей рабочей армии Москвы, и значительная часть населения работала уже на нескольких предприятиях Измайлово — шерстоткацких и суконных — основателей из зажиточных крестьян и купцов: Колкунова, Каширина, Меншикова, братьев Ивана и Федора Бутюгиных. А также и владельца суконной фабрики, состоятельного фабриканта из бывших купцов Алексея Курдюкова.

Последний являлся «Почетным гражданином», имел разностороннюю поддержку со стороны власть имущих, и у него в цехах работало свыше трехсот человек.

Под управлением Курдюкова фабрика из суконной постепенно переоборудывается в бумагопрядильную. Денег знатный фабрикант не жалел. И не только на привлечение большого количества работников из окрестных сел и деревень, но и на закупку очень дорогих по тем временам ткацких станков и другого «железного механического оборудования». Уже через год-два владения фабрикой хозяин установил в ее цехах до восьми десятков ткацких станков и восемь прядильных машин. Правда, машины эти были весьма примитивными, работая от «мотора», приводимого в движение с помощью конной тяги. Но и этого поначалу было достаточно, чтобы при увеличивающемся спросе на различную мануфактуру не оставаться в накладе.

В Москву из-за границы поступали все более совершенные станки, иные из них заменяли труд десятков рабочих. Видя в них источник к обогащению, Алексей Курдюков, однако, по неизвестным причинам продал свою фабрику...

Переходя от одного хозяина к другому, фабрика, в конце концов, досталась купцу Акиму Евдокимову, увидевшему свою выгоду в том, чтобы сдавать предприятие в аренду.

В результате, у фабрики появился новый управляющий, купец Родион Гилль, который вскоре получает «Свидетельство на содержание бумагопрядильной фабрики в селе Измайлово Московской губернии», и что 13 декабря 1851 года документально подтверждается в донесении начальника Московской губернии московскому генерал-губернатору.

...Разбогатец на сбыте пряжи и хлопчатобумажных тканей, спустя несколько лет, в мае 1856 года Родион Гилль предложил хозяину фабрики 80 тысяч рублей и приобрел фабрику в собственность.

С этого времени на Измайловской мануфактуре начались более серьезные строительные работы. Цеха расширялись. Из Англии была выписана паровая машина. Число оборудования доходит до 435 ткацких станков и мюльных машин на 35 тысяч веретен.

Несмотря на появление большого количества механического оборудования, хозяин фабрики не спешил увольнять рабочих с опытом: целью его было расширить производство. В спешном порядке был возведен новый — кирпичный — производственный корпус для бумагопрядения. В нем было установлено все самое дорогое оборудование.

После установки и пуска в эксплуатацию нового оборудования выпуск товара на фабрике составил 40 тысяч пудов пряжи и 103 тысячи кусков миткаля в год!

Для рабочих были выстроены казармы-общежития, в том числе и для несовершеннолетних детей — мальчиков и девочек. Была даже организована и оборудована небольшая боль-

ница; было построено несколько бань и открылось несколько магазинчиков — товарных и продовольственных лавок.

Р. Р. Гилль, таким образом, укрепился в Измайлово основательно, как писали об этом: «оперился, набрал сил и крепко встал на ноги».

За десяток лет, до 1861 года, бывшая суконная фабрика (означенная в «Указателе фабрик и заводов Европейской России» как «Бумагопрядильная фабрика») стала одной из самых преуспевающих в районе, а вскоре и широко известной всей России как «Измайловская бумагопрядильная мануфактура» (согласно справочнику «Акционерные и паевые предприятия России»),

Фабрика действительно развивалась успешней многих других. На глазах всего лишь одного поколения фабричных работников кустарная мастерская выросла в механизированное промышленное предприятие.

С началом 60-х годов, из-за нарастающего экономического кризиса в России, хозяину фабрики для переоборудования цехов понадобились компаньоны.

Пятнадцатого марта 1861 года указом Московской казенной палаты было разрешено «учредить на паях Товарищество Измайловской бумагопрядильной мануфактуры Э. Мейеру, А. Прену, Р. Гиллю в Москве».

Товариществу было разрешено установить четыре новых паровых котла и начать новое строительство. Общие капиталы позволили не только сохранить производственные мощности, но и возвести второй кирпичный бумагопрядильный корпус.

До середины 70-х годов дела у Товарищества шли в гору; появились средства для постройки еще одного ткацкого корпуса, с котельной; над фабрикой выросла мощная дымовая кирпичная труба. Предприятие превращалось в Измайловскую хлопчатобумажную прядильно-ткацкую фабрику.

Фабрика вскоре сменила одного из своих главных вкладчиков. Э. Мейер сбыл свой пай крупной измайловской торговой фирме владетельного фабриканта барона Кнопа. Не случайно бытовала в народе поговорка: «Что ни церковь — то поп, что ни фабрика — то Кноп». Компания этого барона подминала под себя многих предпринимателей, снабжая под векселя новым оборудованием, заграничными машинами. Терпя финансовое бедствие в результате конкуренции, иные заемщики надолго становились должниками.

Что касалось поступка Э. Мейера, вероятно, очень предусмотрительного, то свою долю он передал фирме барона в то время, когда общий экономический кризис в России грозил перерасти в политический. Рабочие коллективы становились все более непослушными, а, порой, и неуправляемыми. Коллектив Измайловской хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрики в этом смысле оказался не хуже других. Причин для этого вполне хватало и здесь.

Условия труда на фабрике оставались в духе своего времени, когда каждый хозяин предприятия предлагал свой устав и платил работнику столько, сколько считал для себя необходимым.

Поэтому неудивительно, что тяжкая повинность приводила к недовольству и находила выход в различных протестах и даже массовых выступлениях.

Несмотря на самую жесткую эксплуатацию малоправного населения, небольшие заработки, на Измайловской мануфактуре уже выросли поколения ткачей; вокруг образовались фабричные кварталы; малолетних детей приучали к мысли, что им предстоит работать на фабрике. И, конечно, все мечтали, чтобы в Измайлово пришла нормальная жизнь.

Правда, хозяева фабрики, надо отдать им справедливость, заботились о том, чтобы работники «были верными, послушными и почтительными к хозяину и его семье», чтобы старались «добрыми поступками и поведением сохранять тишину и согласие»; рабочие же, «чтобы не потерять своего христианского облика, должны в воскресенье и праздничные дни исправно посещать церковь» и так далее.

Однако в случае нарушения подобных инструкций виновный подвергался штрафу в размере пятнадцати копеек серебром, из коих одна треть отчислялась в пользу того, кто на эти нарушения указал. Из проживающего в общежитии, если он являлся туда слишком поздно, удержание производилось в размере всего дневного заработка. С несовершеннолетних, в случае возвращения позднее шести часов вечера, взыскивали десять копеек. Если у работника в общежитии переночевали родственники без разрешения хозяина, с него удерживалось за три рабочих дня. Не менее жестким штрафам подвергались допустившие брак в работе, позволившие себе курение в неположенном месте, неповиновение мастеру, грубость в адрес начальства.

Штрафы эти вызывали, пожалуй, больше всего недовольства простых рабочих. Не привык еще русский человек к четкой дисциплине, ему бы побольше вольности, а если работы — то с песнопением. Но если, возможно, когда-то оно так и было, то появление большого количества машин в производстве так или иначе должно было привести к появлению строго фабричного Устава, где за каждым нарушением следовали либо штраф, либо увольнение, а то и суд.

Технический прогресс шагал, однако, быстрее, чем менялось сознание работников. Основная масса фабричного люда оставалась мало образованной или же совсем неграмотной. Поэтому неудивительно, что очень быстро увеличивалось расстояние между накапливаемым хозяевами фабрики богатством и нищенским положением тех, кто, чтобы жить, должен был положиться только на свои рабочие руки и терпение.

Великолепие особняков хозяев и бедняцкие кварталы рабочего населения уже не могли соседствовать мирно. Постоянно раздавались просьбы о повышении заработной платы, и когда она долго не повышалась, недовольство находило выход в различных протестах и даже массовых выступлениях. Особенно крупное, отмеченное в исторических источниках, вспыхнуло в Измайлово в августе 1879 года, спустя почти тридцать лет после организации фабрики. Но в это время по одной только Московской губернии забастовало еще пять крупных предприятий.

В Измайлово рабочие были недовольны не только крайне низкой заработной платой, но также плохими жилищными условиями и дороговизной в магазинах. Уйдя от крестьянского труда, многие не имели своих земельных участков и были вправе рассчитывать на то, что хозяева позаботятся об их прокормлении, хотя бы завозом доступных продуктов.

Хозяин фабрики Р. Гилль, не давая разогреться недовольству, пообещал удовлетворить эти требования.

Все дальнейшие события, вся история Измайловской фабрики вплоть до революционных событий 1917 года, была тесно вплетена в политическую нестабильность страны. И она достойна того, чтобы привести следующие строки из исторических источников:

«В этом году (1879 г.) было много безработных. У фабричной конторы с каждым днем росла очередь изможденных людей, прибывавших из разных губерний в поисках работы.

Учтя небывалый прилив дешевой рабочей силы, Гилль не только не выполнил обещания, но и решил перейти к наступлению. Утром 31 октября ткачи узнали о снижении двух копеек с каждого сработанного куска: вместо сорока копеек они должны теперь получать только тридцать восемь.

Новость словно удар набата встревожила всю ткацкую часть фабрики. Ткачи прибегали один к другому. Станки останавливались, и приводные ремни замирали. Когда в ткацкой шум оборвался, чей-то голос прогремел:

— «Бросайте, братцы, работу! Дружно постоим за себя».

Молодежь разбежалась по корпусам с боевым криком:

— «Эй, вы, мюльщики и чесальщики, бастуем вместе!»

— «Наша хата с краю, нас не трогают», — отвечал осторожный голос мюльщика.

— «Как не трогают?.. Нынче нас, а завтра ведь вас».

— «Все это так, но как говорится, с сильным не борись — духу не хватит, сломит...»

— «Это у нас-то духу не хватит? Да где же найти тогда такую силу, как наша рабочая силушка, она ведь все сломит, все вверх дном перевернет... Уговаривать больше не будем. Только, чур, нам не мешайте...»

Вот такие разговоры, как об этом вспоминали в далекие годы, шли по цехам. Действительно, ткачи взялись за дело дружно. Часов около девяти утра человек 400 подошли к конторе. Возбужденная толпа окружила помещение и потребовала к себе хозяина. Гилль перетрусил, побоялся показаться. Вышел помощник с приказанием ткачам немедленно вернуться к своим станкам.

Но нет! Не такие люди были ткачи, чтоб разойтись ни с чем: для чего тогда нужно было и кашу заваривать.

— «Мы против ткачей соседних фабрик и так меньше получаем, а тут еще скидку выдумал, кровопивец!...»

— «Последние портки задумал стащить!» — кипели и возмущением, и уже и злобою голоса.

Забастовка грозила затянуться. Дело заключалось не только в двух копейках. Претензий у ткачей нашлось много. Мало того, что продукты из фабричной лавки рабочие вынуждены были брать по дорогой цене, так еще часто недоброкачественные. За тесные и грязные общежития Гилль удерживал из заработка десять процентов. Вода питьевая и та мутная, вредная для здоровья. За баню вычитается по четвертаку в месяц из заработка каждого, а бывают в ней из-за нерегулярного отопления и тесноты далеко не все. Даже возьми штрафы да вычеты разные... всего и не перечесть, за что бы хозяину ответ держать.

Прошло три дня. На четвертый день ткачи устроили совещание. Выбрали боевую восьмерку ходоков и послали их с бумагой в Москву, к губернатору. Накануне прибыли две роты вооруженных солдат Нарвского полка, расквартированного в селе Измайлово.

Ткачи, конечно, тут уж держались мирно. Но на выстроившихся во дворе солдат они смотрели насмешливо. Когда исправник приступил к разбору конфликта, ткачи предъявили свои требования. Исправник стал совещаться с Гиллем.

Предприниматель почувствовал силу ткачей, не испугавшихся ни угроз, ни войска, ошестившегося штыками, и решил уступить. Снова вышел исправник и объявил ткачам обещание Гилля: расценки не снижать, цены на продукты сбавить, баню топить два раза в неделю, а общежития после осмотра врачом — отремонтировать. Предложения были приняты, только сто семьдесят ткачей все же потребовали расчета. И все же это была большая победа рабочих Измайловки.

Даже начальник Московского жандармского управления генерал-лейтенант Слезкин не нашел оправдания предпринимателю.

Ревнивый защитник и охранитель интересов фабрикантов, он вынужден был признать Гилля главным виновником. Извещая Третье отделение о стачке на Измайловской фабрике, Слезкин в конце своего донесения писал: «Имею честь присовокупить, что, как видно из негласных сведений, посторонних подстрекательств рабочих к производству беспорядков не было, что претензия их совершенно справедлива и что слишком недобросовестное отношение фабриканта Гилля к положению своих рабочих постоянно замечалось и прежде».

Но матерый жандарм не мог простить дерзости тем восьмерым ходокам, которые осмелились предстать перед самим губернатором с жалобой на притеснителя. Их задержали «впредь до выяснения дела», иными словами, — арестовали.

* * *

Разразившийся промышленный кризис в стране еще более ухудшил положение простых текстильщиков. Заработок резко упал. Среди рабочих и их семей участились случаи тяжелых

заболеваний. Проводивший обследование фабрик врач Богословский записал в своем заключении, что «рабочее население вымирает».

Доведенные до нищеты и голода, орехово-зுவские рабочие в начале января 1885 года всей своей восьмимысячной массой забастовали. Эта грандиозная «морозовская» стачка, руководимая Петром Моисеенко, явилась грозным предупреждением хозяевам. Для ее подавления и расправы с забастовщиками прибыл владимирский губернатор с прокурором и вооруженной силой в составе двух батальонов пехоты и полка казаков.

Тринадцатого января, когда стачка была на исходе, забастовали измайловские. Было воскресенье, но рабочие не отдыхали, а по заведенному обычаю чистили станки и убирали помещения. Это делалось бесплатно, но на этот раз настроение ткачей с утра было приподнятым. В полдень две сотни ткачей объявили администрации, что вследствие дорогих и плохих харчей, многочисленных удержаний, штрафов и притеснений они могут вовсе бросить работу.

Среди ткачей выдвинулся энергичный вожак Александр Савельевич Смирнов, уроженец Калужской губернии. Вечером он обошел общежития и агитацией добился того, что все ткачи, 350 человек, стали участниками забастовки. Он пытался втянуть в борьбу и прядильщиков, но те на этот раз не согласились.

В понедельник в четыре часа утра, как обычно, прогудел фабричный гудок, но ни один ткач на работу не вышел. Днем ткачи составили прошение, выбрали пятнадцать человек и отправили их к губернатору. Вскоре приехал уездный исправник. После коротких переговоров исправника с Гиллем было объявлено, что с января ни за квартиру, ни за баню, ни за больницу удержаний не будет. Гилль обещал снизить цены на продукты и, кроме того, накинул несколько копеек за каждый сработанный кусок. Ткачи, казалось, были удовлетворены, но они решили дожидаться возвращения своих парламентаров к губернатору. Губернатор представителей рабочих, оказывается, не принял. Уязвленные этим, с условиями Гилля рабочие не согласились. «Продолжить стачку! Выдвинуть новые требования! Вернуть все вычеты, удержанные со дня летнего найма!» — звучали новые призывы.

На следующий день помимо ткачей не вышли на работу 70 человек прядильщиков и присучальщиков. Остальные рабочие после этого были распущены по домам, и фабрика остановилась полностью. Такого в Измайлово не случалось никогда.

Все начальство — уездный исправник, становой пристав, урядник, прокурор окружного суда, жандармский ротмистр — собрались в Измайлово у фабрики.

— «Почему не работаете? Чего еще ждете?»

— «Пусть вернут нам зря удержанные с нас деньги!»

После этого собравшиеся еще повыкрикивали свои требования и вновь разошлись по домам.

Тогда начальство решило принять другие меры, чтобы навести «порядок». На третий день по распоряжению губернатора прибыл на фабрику батальон солдат Астраханского полка. Положение осложнялось.

В стороне от фабрики возвышались два каменных здания — общежития, когда-то бывшие корпусами фабрики. Рабочие находились в этих двух корпусах, отделенных один от другого овражком и небольшим прудом. Батальона хватило, чтобы оцепить все рабочие казармы. В одной из них было триста человек, в другой собралось семьдесят. Исправник посетил оба корпуса, предлагая рабочим выйти на работу.

В корпусе с меньшим числом бастующих заявили:

— «Мы не дадим ответа без согласия остальных».

В другом люди, находившиеся с главным зачинщиком, Смирновым, ответили, как и прежде, категорично:

— «До тех пор к работе не приступим, пока не будут выполнены все требования».

Видя такое упорство, исправник приказал начать «штурм» первой казармы. Становой пристав с подручными ворвался в помещение и вытолкнул рабочих на двор. Там их окружили солдаты. Некоторых зачинщиков тут же арестовали.

— «Берите всех нас! — кричала толпа. — Все мы как один!»

По сигналу офицера, солдаты вбежали в спальни второй казармы и вытеснили всех и оттуда. В центре толпы находился Александр Смирнов. Урядник не сводил с него глаз. Солдаты хотели добраться до него, но рабочие, понимая это, тут же бросились на солдат и произошла свалка. Солдаты пустили в ход ружейные приклады; ткачи дрались кто чем мог. Снег окрасился кровью. Смирнова все же схватили, бросили в подъехавшие сани и увезли.

Когда арестовали вожаков, рабочих загнали обратно в помещение, а к дверям поставили караул. Семьдесят человек, находившиеся в первом корпусе, отдавая должное упорному сопротивлению товарищей, решительно отказались работать. Их по несколько человек под конвоем отводили в контору за расчетом.

Рабочие второй казармы всю ночь просидели под охраной, а как только наступил день, их тоже всех рассчитали. Двадцать два рабочих фабрики были арестованы и отправлены в пересыльную тюрьму.

В конце концов, Р. Р. Гилль вынужден был уступить работникам и согласиться на удовлетворение отдельных требований».

Эти факты, в общем, довольно правдиво отображают жизнь измайловских ткачей накануне XX века. Жизнь рядовых работников продолжалась для кого-то в посильном и терпимом, а для кого-то тяжком труде и оттого неизбывной надежде на скорейшее лучшее будущее.

Но до него, все еще, казалось, не рукой подать. Да и где оно пряталось, это светлое будущее, по большому счету, никто не знал. На него, правда, указывали активисты различных антиправительственных кружков, но они, опять же, призывали к стачкам, бунтам, к какой-то революции. Но терпеливые русские люди хотели одного: чтобы добрые хозяева повернулись лицом к их нуждам.

На смену прежнему хозяину фабрики в то время пришел новый, хороший организатор производства, желающий всей душой облегчить участь простых людей. Но, вложив деньги на приобретение фабрики, он, однако, вынужден был расширить дело, усилить эксплуатацию оборудования, а, значит, и работников.

Поэтому до светлого времени людям вновь оказалось не близко. Улучшения жизни для простых рабочих не происходило. Интересно отметить, что за тринадцать лет — до 1896 года — заработок рабочих на Измайловке, кроме присучальщиков и прядильщиков, оставался все на том же уровне, что и до первого массового выступления, а у ткачей даже упал на пятьдесят копеек.

«Работала же фабрика круглые сутки. Мужчины две трети своего времени работали ночью, остальную треть они дорабатывали днем между женскими сменами. Подростки с восьмилетнего возраста работали в женской смене. Была еще одна дневная смена — продолжительность ее равнялась 13—14 часам.

Тяжело жилось особенно семейным, которые не выходили из долгов хозяина. Должнику и уйти-то было некуда: если он сбежит, то беглеца найдет полиция и отдаст под суд. В получку на руки рабочий нередко получал гроши».

Россия перешла рубеж XX века. Мало что изменилось в Измайлово. Разве что и та и другая сторона — рабочие и хозяева — стали злее.

Правда, надо было отдать должное тем, кто фабрику непрестанно развивал, строил новые цеха, а в первую очередь управляющему — владельцу Г. И. Никитину.

Он очень много сил и средств положил на то, чтобы Измайловская фабрика вписалась по своей технической оснащенности, по своему облику в когорту не только вполне благопо-

лучных, но и современных. Работа в этом направлении закончится постройкой в 1911 году трехэтажного железобетонного корпуса и современным ее техническим вооружением.

Народ стал более грамотным, но и боевого характера у него не убавилось. В результате, грянула первая революция 1905 года. Увы, измайловцами она была поддержана не в последнюю очередь. Следовательно, при работе и в новых цехах жилось им не сладко.

В архивах полицейского управления было сохранено письмо за подписью одного из недовольных хозяевами фабрики, подписавшегося, как «Ткач». Он писал о фабрике и о той жизни, от которой до сих пор никак не могли уйти малоквалифицированные рабочие.

«Наша фабрика находится в селе Измайлово. Издали видишь красивую мануфактуру, но внутри она похожа на тюрьму. Рабочие трудятся почти даром, за какие-нибудь несчастные 16 рублей в месяц. Все это жалованье проедается рабочей семьей, ничего не остается на одежду для себя, для детей, для жены. А что можно оставить на черный день?

Летом еще ничего, ну а зимой так и жди, что наступит голод. Как только ты заболел, так тебе и харчей не дают из лавки, и семья твоя должна голодать. Простуду получил — иди в больницу, где доктор может и осрамить тебя, лентяем назвать, или же положить на жесткую койку, на которой и здоровому-то с трудом вылежать. И притом, чем бы ты ни хворал, все равно поят одной и той же микстурой, как будто ты ненужная тварь. А кто живет у нас на фабричной квартире, так тот всегда болен, и как ему быть здоровым, когда на стенах помещения сырость и от сырости даже мох растет, как в лесу.

Есть не спрашивай, а работу давай, иначе директор фабрики наградит тебя черным словом и скажет: «Я тебя прогоню, ты мне

больше не нужен. Я на твое место другого поставлю, ты, вот, видишь, заелся (мол, такой-рассякой, а то и совсем обидно — «свинья ты этакая»). А табельщику прикажет: «Подпиши-ка ему расчет».

И вот приходится директору в ноги кланяться, как Богу: стоишь целый час, а он и не смотрит на тебя. Постоишь, постоишь, да и зальешься слезами, как ребенок. Приходишь домой, все надеешься, а там уже урядник: «Тебе хозяин велит очистить квартиру». И должен ты исполнить приказание, все равно выкинут тебя, как котенка, со всей твоей семьей. И останется просить милостыню? Потому, что не из чего сохранить копейку на черный день... Той цены, которая выставлена в правилах, рабочие не зарабатывают, потому что от каждого пуда, что сработал прядильщик, фабрика берет по 10 фунтов. Кроме того, не все чисто в номерах пряжи, если работаешь 37-й размер, то могут засчитать 36-й. Так и приходится надеяться только на себя и на то, что в нашей борьбе с хозяевами победит правда, а с нею и мы, ткачи.

Рабочие очень хотели верить в победу этой правды. И очень поверили, когда Николай II издал манифест, в котором обещались «незыблемые основы гражданской свободы», созыв новой законодательной Думы. Происходили многотысячные демонстрации.

Измайловцы в эти исторические дни составили шестнадцать требований и предъявили их 21 октября своей администрации: 1. Восьмичасовой рабочий день. 2. Прибавка на заработанный рубль 35 копеек. 3. Женщинам, которые остаются родить, чтобы получали до родов 4 недели полное жалованье и после родов за 6 недель тоже полное жалованье, и чтобы поступали на свои станки. 4. За самовольный прогул свыше трех дней взыскивать с выработки... 5. Рабочий, который заболеет и не сможет работать, должен получить за две недели сполна, а сверх двух недель до месяца — половину жалованья, покамест выздоровеет — третья часть его личной выработки. 6. Каждый работник должен иметь шестинедельный отпуск, когда бы ему ни потребовалось, объявив об этом за две недели. 7. Чтобы давали помещение как рабочим, так и нерабочим детям. 8. Рабочие, живущие на вольной квартире, чтобы получали по два рубля в месяц на квартиру. 9. За простой паровой машины чтобы платили половину жалованья, а за простой частной машины — сполна. 10. Отмена мужчинам носить основу, а чтобы носили таскаль-щики. 11. Чтобы расценки были одинаковы как мужчине, так и женщине. 12. Улучшить

медицинскую помощь. 13. Чтобы была библиотека и читальня. 14. Приют для детей и богадельня. 15. Чтобы работал куб с кипятком от трех часов утра и до одиннадцати часов вечера. 16. Взыскивание с рабочих за порчу товара — от 3,7 и не свыше 10 копеек. Требования по мере возможностей фабрикантами удовлетворялись.

К 1912 году Измайловская прядильно-ткацкая фабрика перешла в руки нового предпринимателя Полунина.

Этот владелец предприятия недолго похозяйничал. Как говорили, играя с профессиональным картежником Терентьевым, однажды вошел в такой азарт, что проиграл фабрику со всем движимым и недвижимым имуществом. У Терентьева фабрику купил Хабарин. В ткацкой появились станки системы «Нортроп». Один ткач с двумя помощниками должен был работать на двенадцати станках. На старых «платтовских» станках порядок также менялся: ткач должен был работать на четырех станках вместо трех.

В ответ — новые требования: «ввести восьмичасовой рабочий день; каждому ткачу устанавливать работу не более как на шести «нортроповских» станках; порядок работы на «платтовских» станках оставить прежний; снять за грубость и мордобой мастеров Виноградова и Смирнова; отменить штрафы; улучшить качество отпускаемых из лавки продуктов».

Хабарин размышлял. Тем временем, организаторы стачки — ткач Семен Федорович Мочалов, друг известного бунтовщика Никитина, и некий Урусов (бывший орехово-зубовский рабочий) обратились за помощью к главному инспектору по труду Московской губернии.

Тут уж Хабаров поспешил ликвидировать конфликт: относительно работ как на новых, так и на старых станках с требованиями согласился. Но от увольнения своих мастеров отказался категорически; о введении восьмичасового рабочего дня даже и говорить не стал. Мочалова и Урусова велел к воротам фабрики больше не допускать. Потом по настоянию рабочих был вынужден принять их обратно.

«Весной, как обычно, шло увольнение лишних рабочих. В эти дни у каждого, а у семейного человека, в особенности, ныло сердце от страха быть уволенным. Часто увольняемые даже и не знали, за что их рассчитывали. Случалось, что в день получения рабочий неожиданно получал расчет, паспорт и указание: немедленно освободить квартиру.

Организаторы стачки первыми заплатились. Мочалову даже... запретили посещать мать и невесту, которые работали ткачихами и жили в казармах фабрики.

Зачинщикам революционных выступлений стали выдавать позорные «волчьи» паспорта и включать в «черные» списки. При приеме человека на работу предприниматель требовал паспорт и, заметив клеймо, возвращал паспорт не разговаривая.

Что до Мочалова, то долго пришлось ему бродяжничать. Стоило только раз заглянуть на квартиру своей матери, жившей вместе с его невестой, как обе женщины немедленно были выселены из казармы...» Вот такой печальный штрих из множества в те годы, составлявших огромную повесть бед и страданий.

История революционной борьбы работников фабрики за свои права покуда умалчивает о тех бедах и переживаниях, которые испытали и владельцы Измайловской фабрики. А им тоже, надо думать, приходилось совсем непросто, удерживать в русле повиновения ту великую рабочую силу, которая, поверив в светлое будущее, уже не хотела жить при старых порядках. Тем более, что однажды вдруг Россия оказалась без царя, и заправлять всем и всюду начала очень решительная и, возможно, менее сговорчивая, чем прежнее царское правительство, Советская власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.